

Копия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

г.п. Логойск

17 января 1961 г.

Следователь следотдела КГБ при СМ БССР лейтенант допросил в качестве свидетеля

СМОЛЯР Зинаиду Иосифовну, 1914 г.р. рождения, уроженку д. Нивки Логойского р-на Минской обл., белоруску, гр-ку СССР, беспартийную, неграмотную, домохозяйку, проживающую в гп Логойск, ул. Победы, д. 2.

Об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст.ст. 134 и 136 УК БССР предупреждена. (Неграмотная).

ВОПРОС: Где находились и чем занимались вы в период Отечественной войны?

ОТВЕТ: В период Отечественной войны я проживала на временно оккупированной немцами территории в д. Нивки, а затем после ее сожжения и уничтожения ее жителей эсэсовским отрядом, где я была тяжело ранена, я находилась на излечении в больнице, после чего проживала в дер. Тереховичи Логойского р-на до прихода частей Красной Армии.

ВОПРОС: Когда, кем и при каких обстоятельствах была сожжена дер. Нивки и уничтожены ее жители?

ОТВЕТ: Рано утром (часов в 7-8 утра) летом 1943 г. (помню, что цвел картофель) к нам в д. Нивки, где я тогда находилась, приехал или прибыл пешком немецкий эсэсовский отряд из логойского гарнизона. Я лично не видела, при каких обстоятельствах эсэсовцы прибыли в нашу деревню, а увидела их, когда они в немецкой форме войск СС, вооруженные винтовками и автоматами, ходили по деревне. Когда я вышла из нашего дома на улицу, то увидела, что вся деревня была окружена эсэсовцами (сколько их было, не знаю), в деревне находился эсэсовский обоз. Затем вскоре эсэсовцы начали принудительно собирать местных жителей в одно место, выгоняя их из домов. Односельчан, под предлогом проверки документов, начали гнать с севера на юг по деревне, выгоняя оставшихся в домах граждан на улицу и присоединяя к общей группе. Меня с двумя детьми (3 и 6 лет) и мать эсэсовцы также присоединили к общей группе односельчан и приказали идти в направлении Логойска. Примерно на середине деревни эсэсовцы начали разделять местных жителей на группы, помню, они отбирали родственников эсэсовцев и полицейских, но многие наши жители под предлогом, что являются родственниками карателей, пытались спасти себе жизнь, в результате отделилось от общей группы человек 40, а может быть и

и больше. Эсэсовцы отправили их на южную окраину деревни на возвышенность, где я видела на пригорке стоял пулемет (были ли еще где-либо пулеметы, я не видела). Меня с детьми матерью в числе большой группы односельчан эсэсовцы погнали обратно вдоль деревни по улице (на север). Помню, что многие эсэсовцы разговаривали на русском, украинском и белорусском языках, были среди них и немцы, но все они были обмундированы в одинаковую немецкую эсэсовскую форму. Когда мы шли по улице группой обратно, то эсэсовцы нас толкали прикладами, женщины и дети плакали, все просились, чтобы нас не расстреливали, видно было, что начали гореть дома, слышна была беспорядочная стрельба. Помню, недалеко от дома Шевель Григория (погиб тогда же) нас пытались загнать в какой-то дом (чей, не помню), все начали плакать, проситься, а некоторые жители разбегаться тогда эсэсовцы крикнули: "ложись!" и начали стрелять по убегающим. Многие жители легли на землю здесь же, на улице, а все, кто пытался скрыться, были здесь же, недалеко расстреляны. Я лично видела, как была убита Ярош Лина с ребенком, Сосновский Михаил с женой и двумя детьми. В группе односельчан было много детей и женщин - все сильно перепугались, рыдали, поднялась паника; тогда эсэсовцы, расстреляв убегающих, подняли всех нас с земли и принудительно начали загонять в дом Шевель Григория, откуда перед этим вывезли все ценное имущество. Кто сопротивлялся, немцы и эсэсовцы, разговаривавшие на русском, украинском и белорусском языках, принудительно загоняли в дом, при этом били прикладами, толкали в спины. Помню, передо мной в дом Шевель Григория загнали мою мать с моим старшим сыном Петрович Марию с 2 детьми, Палинскую Александру с 2 детьми (остальных не помню) - всего в дом согнали человек 50. Я с младшим сыном (лет 3-х) заходила в дом в числе последних лиц и помню, что не все жители вместились в этот дом и их тогда погнали в соседние дома. Когда дом Шевеля Григория был полностью заполнен мирными жителями, эсэсовцы приказали на русском языке: "Ложитесь!" Жители в панике ложились на пол, закрывая в страхе головы одеждой, чтобы не видеть всего ужаса, дети и женщины рыдали. Так как мирных жителей было в доме очень много, то многие лежали друг на друге, матери прятали под себя детей. Я так же легла на своего ребенка, прикрыв его своим телом. Стоял сплошной ужасный крик и плач. Эсэсовцы подняли беспорядочную стрельбу по этим жителям и мне. Дом наполнился стонами, ужасными криками, плачем детей. И этот общий кошмарный стон затихал по мере того, как расстреливались односельчане. Я с сыном лежала недалеко от порога, а эсэсовцы начали расстреливать людей в более отдаленных частях дома, поэтому я все слышала. Затем я почувствовала, как пуля вошла мне с правой стороны в челюсть и вышла через левую щеку, в результате чего была повреждена нижняя челюсть и выбиты почти все зубы. Быстро я почувствовала, что тело моего сына подо мной судорожно дернулось и он замолчал. Я посмотрела на него и увидела, что у него была простреляна голова, виднелся мозг и он был мертв. Эсэсовцы продолжали беспорядочной стрельбой (из какого оружия они стреляли, я не знаю), и стоны постепенно затихали.

От всего пережитого и физической боли я находилась в очень тяжелом состоянии. Помню, когда стоны затихли, эсэсовцы ходили по трупам и пристреливали раненых. По мне также по всему телу прошел какой-то эсэсовец и ногой хотел перевернуть меня лицом вверх, но я притворилась мертвой и слышала, как какой-то другой эсэсовец сказал этому эсэсовцу: "Она уже убита, не трогай ее".

Сколько было тогда эсэсовцев, принимавших участие в уничтожении жителей в доме ШЕВЕЛЯ Григория, я не знаю.

Когда эсэсовцы вышли из дома, я с большими усилиями приподнялась и попыталась по трупам и тяжело раненым подползти под печь. Как только я поднялась, то увидела, как из-за двери выглянула женщина КИШКУРНО (имени и отчества ее не знаю, проживает сейчас якобы в д. Ганевичи), которая мне шепотом сказала, чтобы я не двигалась, но я ей показала рукой, что ползу под печь. По трупам и тяжело раненым (которые иногда стонали), лежащим в лужах крови, я подползла под печь. Помню, вскоре зашел в дом какой-то Эсэсовец и поджег на кровати соломенный матрац - дом загорелся. Выхлав немного, я, истекая кровью и задыхаясь от дыма, превозюгая боль, выползла на улицу и отползла на огород, дом вскоре рухнул. Я также видела, что дрогорала вся деревня. Эсэсовцев я больше не видела. Как удалось спастись КИШКУРНО, я не знаю.

С большим трудом я добралась до деревни Михалово, затем с помощью неизвестного мне партизана мне удалось добраться до больницы для гражданских лиц в г.п. Логойск, где мне сделали операцию и лечили около месяца, после чего я проживала в д. Тереховичи.

Не помню, от кого я слышала, что нашу деревню Нивки и ее жителей уничтожили эсэсовцы из логойского гарнизона, что ими же были также уничтожены деревни Добринево, Кузевичи и другие деревни, но я лично очевидцем этих злодействий не была.

Среди эсэсовцев у меня знакомых не было, в личность их я не запомнила и опознать не смогу. Со слов односельчан (кого, сейчас не помню) мне было известно, что почти всех жителей д. Нивки, отправленных на южную окраину деревни, эсэсовцы также расстреляли, многих сожгли заживо. Кроме того, эсэсовцы расстреливали мирных жителей прямо в их домах, где они прятались, а многих прямо задерживали и заживо бросали в догоравшие дома.

Всего в нашей деревне было расстреляно и сожжено примерно человек 150, останки которых захоронены в братской могиле на кладбище д. Нивки.

Дополнений не имею, протокол мне прочитан, записано верно. Неграмотная.

Протокол допроса со слов СМОЛЯР З.И. записан верно и в моем присутствии ей зачитан (КРИВОЩЕКИЙ Степан Андреевич, проживающий в г. Логойск, ул. Победы, д. 2)

Допросил: следователь Следственного комитета при областном народном комиссариате
лейтенант [redacted]

Верно. *[Signature]*

